Научная статья

УДК 1:316+30

DOI: 10.15372/PNE20230203

«Работающие бедные»: социологическое измерение и философское осмысление

Штумпф Светлана Петровна

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия, stumpf@kspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4874-0123>

Аннотация. *Введение.* Бедность как одна из острых и болезненных проблем органически присуща человеческому сообществу на всех этапах существования. Прямые и косвенные свидетельства ее негативного проявления обнаруживаются в разных областях общественной жизни: экономической, политической, социальной и духовной. Бедность является источником неудовлетворенности жизнью людей, основанием депривации, угрожает социальной безопасности общества. Идеологический и экономический кризис, произошедший после развала СССР, помимо макросоциальных повлек за собой микросоциальные изменения, в частности произошедшие в русле идентификации бедных. Кризис провоцировал возникновение специфического слоя социально уязвленного населения «работающие бедные». Впервые это словосочетание использовала вице-премьер Правительства РФ О. Ю. Голодец в 2017 г., обратившая внимание на уникальность этого явления с целью ответить на вопрос: кто они, работающие бедные сегодня, и каковы их специфические характеристики? *Методология.* Методологически анализ феномена «работающих бедных» осуществлен в границах структурного, стратификационного, компаративистского и социокультурного подходов, позволяющих выявить комплекс взаимозависимых равнозначных субъективных и объективных характеристик исследуемого объекта. *Обсуждение.* Проведенное исследование дало возможность проанализировать изучаемый объект и эксплицировать его определение. Работающие бедные – это часть социума, представленная образованными, квалифицированными трудоустроенными людьми, которые в силу ухудшения экономической ситуации в государстве оказались на границе бедности, их доходов недостаточно для удовлетворяющего жизнеобеспечения. Выявлены и рассмотрены специфические характеристики изучаемой социально-демографической группы: экономические, профессиональные, демографические, социокультурные, эмоционально-психологические. *Заключение.* Ретроспективный анализ явления бедности позволил констатировать факт, что работающие бедные на российском пространстве существовали во все времена. В советский период они составляли основную массу населения. Лексически это явление никак не обозначалось, использовалась его мягкая завуалированная форма – малообеспеченность. Этот феномен вполне традиционен, существовал латентно, проявляя себя в критические для государства периоды, сегодня он по-новому включен в реалии современной жизни.

Ключевые слова: бедность, работающие бедные, социальная структура, индивид, общество

Для цитирования: Штумпф С. П. «Работающие бедные»: социологическое измерение и философское осмысление // Философия образования. 2023. Т. 23, № 2. С. 37–55. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230203>

Scientific article

“The working poor”: a sociological dimension and philosophical understanding

Svetlana P. Shtumpf

V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia,
stumpf@kspu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4874-0123>

Abstract. *Introduction.* Poverty, as one of the acute and painful problems, is organically inherent in the human community at all stages of existence. Direct and indirect evidence of its negative manifestation is found in various areas of public life – economic, political, social, spiritual. Poverty is a source of dissatisfaction with people’s lives, the basis of deprivation, threatens the social security of society. The ideological and economic crisis that occurred after the collapse of the USSR, in addition to macro-social in general, entailed microsocal changes that occurred in the composition of the poor. It provoked the emergence of a specific stratum of the socially vulnerable population, the “working poor”. For the first time these words were uttered by the Deputy Prime Minister of the Government of the Russian Federation O. Y. Golodets in 2017. She drew attention to the uniqueness of this phenomenon. With this material we are trying to answer the question: who are they, the working poor today and what are their specific characteristics? *Methodology.* Methodologically, the analysis of the phenomenon of the working poor is carried out within the framework of structural, stratification, comparative and socio-cultural approaches, which make it possible to identify a complex of interdependent equivalent subjective and objective characteristics of the object under study. *Discussion.* The conducted research made it possible to analyze the studied object and explicate its definition. The working poor are a part of society represented by educated, skilled employed people who, due to the deterioration of the economic situation in the state, have found themselves on the brink of poverty, their income is not enough for satisfying life. The specific characteristics of the studied socio-demographic group are identified and considered: economic, professional, demographic, socio-cultural, emotional and psychological. *Conclusion.* A retrospective analysis of the phenomenon of poverty allowed us to state the fact that the working poor have existed in the Russian space at all times. During the Soviet period, they made up the bulk of the population. Lexically, this phenomenon was not designated in any way, its soft veiled form was used – poverty. This phenomenon is quite traditional for us, it existed latently, manifesting itself in critical periods for the state. Today, it is included in the realities of modern life in a new way.

Keywords: poverty, working poor, social structure, individual, society

For citation: Stumpf S. P. “The working poor”: a sociological dimension and philosophical understanding. *Philosophy of Education*, 2023, vol. 23, no. 2, pp. 37–55. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230203>

Введение. Образование, оттачивание профессионального мастерства в аудиториях, библиотеках или информационно-образовательной среде, цехах, кабинетах и других пространствах не гарантируют благополучие, безопасность, удовлетворенность положением, материальным достатком и удовольствием от своей профессиональной деятельности. Наличие постоянной работы в современных экономических реалиях российского государства также уже не выступает гарантией достойной жизни. Около 50 % граждан имеют месячную зарплату менее 35 тыс. рублей, что при ведении домохозяйства, то есть семьи и детей, ставит их в условия «выживания».

Бедность органически присуща человеческому сообществу на всех этапах существования. Очевидные или косвенные свидетельства ее негативного проявления обнаруживаются в разных областях общественной жизни: экономической, политической, социальной и духовной. Бедность является источником неудовлетворенности жизнью людей, основанием депривации, угрожает социальной безопасности общества.

На российской территории проблема бедности остро проявилась в 1990-е гг., в период структурных преобразований, произошедших в государстве на почве идеологического кризиса и последовавшего сразу за ним экономического. Налицо причинно-следственная связь: дифференциация населения по уровню дохода, обусловленная этим процессом, продолжается и имеет результирующее действие: усиливается обеднение граждан с систематическим (методическим) понижением социально-экономического статуса.

Не секрет, что социальная структура нашего общества крайне разбалансирована. Средний слой представлен незначительной частью населения, богатый слой весьма малочисленный, бедный состоит из огромного числа граждан [1, с. 16; 2]. Колоссальный разрыв между материальными доходами и уровнем жизни этих противопоставленных страт деформирует социальную структуру и систему распределения общественных благ, деструктивно влияет на государственность в целом.

К последствиям этого процесса следует отнести возникновение социальной напряженности (агрессии), выражающейся в росте преступности, наркомании, буллинге, самоубийствах. Эти явления лишь обострились в период пандемии. Указанные признаки обнаруживаются в обществе со всей очевидностью. Однако возникает и иное следствие, относящееся к представителям обедневших слоев населения, не столь заметное, скрываемое самими носителями. Индивиды, значительное время находящиеся в состоянии нужды, иногда крайней нужды, теряют социокультурные связи, установки и навыки со слоем имущих. У них формируются новые поведенческие модели, вырабатываются способы жизнедеятельности, направленные на выживание, и, как следствие, усвоенные новые «правила игры»

(понимай: жизненные обстоятельства), складывается иной тип мышления: аномный к власти, нормам, законам, ценностям. Постепенно он преобразуется в пассивность, нежелание изменений, утрате веры в собственные силы, как отмечает Э. Дюркгейм: «люди становятся несчастливymi» [3, с. 192].

Исследователи признают, что социальная уязвимость бедного населения проявляется во всех областях жизнедеятельности. Беря начало в экономической (низкий материальный доход), она переходит в социальную (осуждение общества, дистанцирование от слоя имущих), далее затрагивает духовную сферу, культурную, компенсаторную, обостряется в информационной и далее способна трансформироваться в социальную напряженность в обществе, активизируя рост протестных движений [4, р. 69]. Очевидно, что начавшееся после 2014 г. «выпрямление» социально-экономической ситуации в государстве, а следовательно, ситуации с бедными, сейчас утрачено из-за пандемии COVID-19. Складывается очевидная взаимозависимость темпов и направления развития в государстве и социально-структурных трансформаций, ведущих к возникновению новых зон бедности в обществе.

В странах Евросоюза работающие бедные – вполне известный слой населения, их показатель определяется как часть общества, представители которой после выплат социальных пособий имеют доходы своего домохозяйства ниже уровня риска бедности (что составляет 60 % общенационального медианного дохода) в общей численности занятых трудовой деятельностью [5]. Учреждения социальной поддержки помогают обычным бедным (как правило, это маргинальный слой населения, и сегодня к ним примкнули мигранты) и, следует признать, одновременно упрочивают в представителях иждивенческую позицию. Работающие бедные оказываются в иной ситуации: они активны, действенны, однако к благополучию и достатку это не приводит. Чаще это представители непрестижных специальностей, «старые» мигранты. Отличительной особенностью российских работающих бедных является то, что они представляют ядро рынка труда, а не его периферию. Они занимают штатные должности, работают на постоянной основе в бюджетном секторе и при этом живут ниже уровня бедности.

Социальное явление «работающие бедные» изучено мало, носит многомерный характер, что проявляется в наборе деприваций, испытываемых как отдельными индивидами, так и семьями (домохозяйствами). Они затрагивают такие составляющие, как качество жизни, здоровье, образование, возможность личностного роста, жизненные условия. Понимание специфики лишений, испытываемых представителями исследуемого слоя населения, позволит зафиксировать этот феномен, описать по нескольким критериям более полно и точно. Главный исследовательский вопрос настоящего материала мы формулируем следующим образом: кто они,

работающие бедные сегодня; каковы их специфические характеристики; каким образом выстраивается модель восприятия работающего бедного?

Полагаем, что ответы на эти вопросы позволят дать оценку ответственности за ситуацию работающих бедных. В зависимости от признания себя виновным или невиновным (индивид или государство?) за действительное положение выстраиваются стратегии будущего достойного/недостойного существования или накладывается мораторий на дальнейшую жизнь как отдельного индивида, так и всей (его) семьи, а это в свою очередь напрямую влияет на изменения социальной структуры российского общества.

Методология. Проработка избранной темы методологически определяется ее междисциплинарным характером. Она поднимает вопросы в контексте таких наук, как социология, философия, культурология, психология, что определяет избранные подходы в исследовании материала. В рамках структурного подхода видится возможность исследовать само явление, его структуру, причины появления и критерии определения анализируемого феномена. Этого подхода в исследованиях придерживались Т. И. Заславская [6; 7], Н. В. Бондаренко [8], В. Л. Иноземцев [9]. Конструктивистский подход реализует в своих исследованиях коллектив авторов: И. Бабаян, Н. Божок, Д. Зайцев, Н. Ловцова, А. Любимова, Е. Пашинина, В. Печенкин, И. Суркова, В. Ярская, Е. Ярская-Смирнова (см.: [10]).

Значительный потенциал содержит теория экономического неравенства, которая позволяет моделировать стратификационные трансформации, изменения в весьма ускоренных темпах, соотносимых с динамикой развития общества сегодня. Такой подход выявляет источники формирования неравного распределения (обладания) доходов в конкретном обществе, позволяет обнаружить иные объективные предпосылки возникновения явления. Представленный подход выступает предпочтительным для Л. А. Гордон [11], Л. А. Хахулина [12] (теории «среднего уровня»), Л. А. Зубченко [13].

Перспективны социокультурный аспект изучения феномена бедности и развивающийся в его границах субкультурный подход. Такая грань видения объекта исследования представляет психологический срез (обращение к отдельному индивиду) в слиянии с социокультурным (изучение сообщества таких индивидов). О. Lewis (О. Льюис) [14], W. Wilson (В. Вильсон) [15], Т. В. Карадже [16] развивают идею о том, что утрата социокультурных установок имущего слоя, выработка стратегий поведения в низшей страте ведут к застыванию состояния бедности в стратегиях ее представителей. Единые цели, задачи, мотивация и способы освоения жизни отдельных индивидов во множестве формируют специфическую субкультуру [17]. Эта точка зрения освещает набор специфических признаков субкультуры, позволяет проанализировать и описать причины социальной пассивности,

аномии к власти, застревания в страте «бедных» и нежелания сопротивления сложившимся обстоятельствам, приводящим к иждивенческой позиции [18, с. 79–81; 19]. Кроме того, использованы методы историко-сравнительного (компаративистского) подхода, позволяющие проследить развитие феномена под влиянием социальных реалий.

Теоретической основой представленного материала являются исследования Э. Дюркгейма (теория структурного функционализма) [3], Т. Парсонса (идея о взаимозависимости трансформаций в структуре обществ)¹, П. Бурдьё (теория культурных и символических факторов «социальных полей»)², Г. Спенсера (условия и принципы бытия в совершенном обществе)³, Н. А. Бердяева (историческое обоснование своеобразия русского народа) [20], В. А. Гиляровского (стратификационное деление российского общества, специфика отдельных слоев)⁴.

Обсуждение. История изучения проблемы бедности тесно связана с изучением структуризации общества, с вопросами неравенства (по разным основаниям). Эта проблематика и проявляет возникновение и развитие бедности как феномена социального бытия. В XVIII в. английские мыслители задали этот вопрос, и произнесенный вслух он стал истоком, точкой отсчета для проблемного поля исследования явления бедности. Англичане лишь обозначили тот факт, что к этой категории относятся рабочие фабрик и заводов, отмечая, что они живут за свой счет, но за пределами достатка. В российской действительности до недавнего времени проблема не была озвучена, хотя и существовала. Большое внимание ей уделяли исследователи истории, своими материалами подтверждая своеобразие развития российской социальности. В различные исторические периоды постоянно менялись экономические и социокультурные причины и следствия бедности. Кратко рассмотрим историческую ретроспективу исследуемого явления.

Много веков в России представители основного слоя населения – крестьяне (в разные эпохи – холопство, крепостные) – не имели достатка, поскольку работали не на себя, а на хозяина. Рабочий люд как отдельный

¹ Парсонс Т. Функциональная теория изменения [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5393> (дата обращения: 11.01.2023).

² Бурдьё П. Начала [Электронный ресурс]. URL: <http://bourdieu.name/content/nachala> (дата обращения: 11.01.2023); Бурдьё П. Социология социального пространства [Электронный ресурс]. URL: <http://bourdieu.name/content/burde-sociologija-socialnogo-prostranstva> (дата обращения: 13.01.2023).

³ Спенсер Г. Социальная статика. Изложение социальных законов. Обуславливающих счастье человечества / пер. с англ. К.: Гама-Принт, 2013. 496 с.

⁴ Гиляровский В. А. Трудобные люди [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/giljarowskij_w_a/text_0010.shtml (дата обращения: 13.01.2023); Гиляровский В. А. Москва и москвичи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/books/190/moskva-i-moskvichi/read> (дата обращения: 13.01.2023).

слой в структуре общества сформировался к середине XIX в. и, хотя жил за свой счет, достатка также не имел. У ремесленников ситуация была такой же. Лишь в начале XX в. начал формироваться слой зажиточных крестьян, которые были удовлетворены своим материальным положением (впоследствии советской властью они были названы «кулаками»). Однако в результате революционного переворота октября 1917 г. их усилия были сведены на нет, все крестьяне уравниены в достатке (0), отнято движимое и недвижимое имущество, они были подвергнуты репрессиям, объявлены врагами народа (около 4 млн крестьян были раскулачены).

Ситуация с материальным положением людей, живущих на земле (а это очень большой слой населения; согласно переписи 1920 г. по состоянию на 28 августа численность населения страны с доисчислением по территориям, не охваченным переписью, составила 136,8 млн человек, в том числе городского – 20,9 млн, соответственно сельского – 115,9 млн)⁵, не улучшалась до второй половины 1950-х гг. Лишь в 1961 г. сельским жителям начали выдавать паспорта. Это означает, что до этого момента они были «привязаны» к земле, на которой жили, из-за отсутствия документов, удостоверяющих личность, не могли ее покинуть. Будучи привязанными к месту проживания, работая в колхозах и совхозах на принудительно-добровольных основаниях, сельские жители получали минимальную заработную плату, весьма далекую от называния удовлетворительной.

Начиная с 1930 г. и вплоть до 1960 г. действовало постановление, разрешающее использовать труд уголовно-заключенных, и по всей стране возникла сеть исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГ), куда попадали осужденные и репрессированные по всем статьям (политическим и уголовным). Это сформировало особую страту в обществе: работающих, но не рабочих, абсолютно неимущих – Трудовую армию. Документально подтверждено нахождение в лагерях 4,75 млн арестованных по политическим статьям, за период Великой Отечественной войны было сослано почти 2,5 млн человек (см.: [21]). Трудовая армия, сформированная из заключенных, работала на всех объектах капитального строительства страны: от лесоповала и рудников до мостов, каналов и атомного проекта. Страну подняли. Но работали лишь за возможность выжить, что удавалось далеко не всем (за годы существования ГУЛАГа, по официальной статистике, в нем умерло более 1,1 млн человек, в колониях и тюрьмах умерло еще более 600 тыс.) (см.: [22]). О заработной плате речь не шла вовсе, поскольку они были заключенные, а не рабочие, и государство таким образом давало им возможность «исправления». Бедными они не были, их никто так не называл,

⁵ Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / предисл. С. Г. Струмилина. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 239–267.

они были врагами общества, поэтому было не принято задумываться и говорить даже об условиях их содержания.

В советский период слово «бедность» практически не использовалось по отношению к жизни граждан СССР по нескольким причинам. *Идеологическая установка*: бедняки существовали лишь в капиталистических загнанных государствах, в социалистическом обществе по определению не могло быть бедных. Однако, элиминировав лексему «бедность» из лексикона СМИ и граждан советского государства, исключить это явление из реальной жизни не удалось. По отношению к собственному населению использовалось вполне обтекаемое название «малообеспеченность». Значительную роль играло также желание противопоставить «счастливость» проживания в социалистическом государстве «наибеднейшей» жизни в царской России. Следует учесть и *психологический мотив*: лексема «бедность» воспринималась негативно, граничила с нищетой, осуждалась молодыми строителями коммунизма, поэтому исключалась и из речи. Слово «малообеспеченность» оказалось социально приемлемым и использовалось вплоть до 1990-х гг. После перестройки слово «бедность» вновь всплыло на поверхность и стало применяться с максимальной интенсивностью. По отношению к многодетным семьям, матерям-одиночкам, семьям с детьми-инвалидами, самим инвалидам, подавляющему числу пенсионеров оно было самым подходящим. Эти категории граждан одновременно превратились в беднейшую страту общества.

Актуальная на сегодняшний день трактовка бедности подразумевает уровень материального достатка индивида (либо семьи, домохозяйства), который соответствует/не соответствует общепринятому количественному российскому показателю – прожиточному минимуму. Более подробные авторские трактовки акцентируют отдельные составляющие этого явления. Е. С. Баева обращает пристальное внимание на возможность/невозможность полноценного развития конкретного индивида (материальное состояние) и в большей мере его личностного совершенствования [23, с. 107]. Д. Н. Кузнецов определяет этот феномен как состояние индивида, для которого свойственны неимение доступа к базовой потребительской (и в целом социальной) корзине, низкий профессиональный статус, сознательное причисление себя к низшему слою населения [1, с. 16]. Другие исследователи, определяя бедность, заостряют внимание не только на низком уровне доходов, но и на несоответствии образа жизни индивида распространенным в этом обществе стандартам [24, с. 66], на состоянии психологического самочувствия индивида (вследствие чего он сам относит себя к бедным) [25, с. 223], на отсутствии доступа к комплексу материальных, социальных и духовных благ, существующих в обществе (в результате – обостренное чувство социальной несправедливости) [26, с. 181]. В группе бедного слоя населения фиксируется внутренняя

структура достатка: умеренная бедность, малообеспеченность, крайняя бедность, социальное дно. Описываются их признаки и характерные черты, меняющиеся в соответствии с социально-структурными трансформациями слоя бедных, зависимых от направления развития государства. Осуществляется постоянный поиск методов и инструментария для изучения этого явления, определения стратегии социальной политики, направленной на разрешение проблемы.

В настоящее время в России исследование доходов населения и его участия в социальных программах проводит Федеральная служба государственной статистики: выборочно, ежегодно, во всех регионах, используя метод личного опроса респондентов; охватываются более 60 тыс. домохозяйств, что обеспечивает репрезентативность итогов наблюдения. Росстат для измерения бедности использует концепцию абсолютной бедности, доходы населения сопоставляют с прожиточным минимумом – установленной чертой бедности. В разные годы эта величина имеет разный размер, есть также различия по регионам (они не значительны). В 2018 г. сумма прожиточного минимума на душу населения в целом по России составила 10 287 руб., в 2019 г. – 10 890 руб. на конец 2020 г. – 11 329 руб., в 2021 г. – 11 653 руб., в 2022 г. поднята до 13 890 р., в 2023 г. – до 14 375 р. (по регионам и социально-демографическим группам она варьируется)⁶. Величина прожиточного минимума растет регулярно, понемногу, но в последние два года с большим увеличением. Скачок значительный, и причина этого высокая инфляция в государстве. Высказано намерение помимо медианного исчисления (показателя) рассмотреть взаимозависимость инфляционного роста и величины прожиточного минимума в дальнейшем.

Граждане, живущие на сумму ниже указанного минимума, учитываются теми же государственными органами. Об их количестве информирует Росстат: на конец 2018 г. с доходами ниже минимальной отметки проживало 18,4 млн человек, это 12,6 % населения; по итогам 2019 г. за чертой бедности находилось 12,3 % населения; на конец 2020 г. 12,1 % населения, а в 2021 г. – 11,8 %⁷ [27]. Последняя названная цифра – 11,8 % – соответствует третьему кварталу 2022 г. Судя по представленным официальным данным, количество бедного населения в стране не критично. Однако есть еще одна (и не одна) особенность исчисления количества бедных в России: Федеральная служба причисляет к этому разряду в первую очередь безработных, и в статистических таблицах по распределению малоимущего населения (слово «малоимущие» так и сохранилось в приоритете в качестве тонкой ширмочки бедности) при их учете относит к ним только

⁶ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://gossstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.01.2023).

⁷ Там же.

тех, кто зарегистрирован в службе занятости. Но таких в России – лишь небольшая часть от всех ищущих работу. В результате многие безработные попадают в графу экономически неактивных, а следовательно, безработными не считаются и к беднейшему слою не относятся. Те же, кто стоит на учете в службе занятости, получает минимальную прожиточную сумму и к слою бедных – на законных основаниях – не имеет отношения.

Еще одна особенность официальной статистики (или политики?) заключается в акцентировании детской бедности: 49,4 %, приходится на категорию многодетных семей, 40,6 % на долю детей, проживающих в сельских семьях (см.: [28]). Их родители работают, имеют доход выше прожиточного минимума, но на детей этих денег не хватает. Парадокс мы видим в том, что именно дети признаются бедными, несмотря на их естественную нетрудоспособность, а не их родители, чьих доходов недостаточно, чтобы семья переступила порог бедности. Мы усматриваем в этом манипулятивные действия официальных органов, помогающие завуалировать реальную ситуацию. Скорее, это указывает не на детскую, а на семейную бедность и на предельно низкий уровень заработной платы взрослого населения.

Л. Овчарова, А. Пишняк, Д. Попова, Е. Шепелева считают, что семейная бедность является системной проблемой для российского общества [29]. Исследователь выстраивает следующую модель: семейная бедность, которая впоследствии проявляется в неуспешном сценарии взрослой жизни. Такие дети чаще остальных сталкиваются с неуспеваемостью в школе, попадают в классы выравнивания (то есть отстающие) и впоследствии приывают «плыть по течению». Даже поступая в вузы, не проявляют активности и особого усердия (незачем, все равно ничего не изменить). В итоге это приводит людей в так называемую ловушку бедности – привычно бедную среду (или субкультуру) обитания. Далее они «воспроизводят бедность в социальной, экономической и семейной жизни, то есть автоматически избирают пассивную стратегию выживания» [29, с. 6].

Анализ явления «работающие бедные», все чаще всплывающего в российском информационном и научном пространстве последних лет, со всей очевидностью указывает на микросоциальные изменения, происходящие в составе бедных. Она провоцировала и проявила возникновение специфического слоя социально уязвимого (уязвленного) населения «работающие бедные» (в 2000-е гг. их обтекаемо называли «новые бедные») [30; 31]. Впервые на государственном уровне эта категория была выделена и озвучена вице-премьером Правительства РФ О. Ю. Голодец в 2017 г.: «Та бедность, которая в стране есть и фиксируется, – это бедность работающего населения. Это уникальное явление в социальной сфере – работаю-

щие бедные»⁸. Его представители – люди имущие: владеют жильем, у них есть постоянная работа, систематически выплачиваемая заработная плата, однако ее размер слишком невелик, если не сказать ничтожен, он не покрывает и не обеспечивает удовлетворительное существование индивида и его семьи. Если в экономически развитых государствах за чертой бедности оказываются обычно маргиналы и безработные, то в России в нищете оказываются люди, трудоустроенные на полный рабочий день (см.: [32]).

К объективным причинам появления слоя работающих бедных следует отнести социетальные: отсутствие рабочих мест (безработица), низкий уровень заработных плат и социальных пособий, инфляционные процессы и, как выяснилось, форс-мажорные обстоятельства, например, пандемия COVID-19. Они действуют по-разному, однако в комплексе очень сильны. Эти причины также представляют объективные характеристики исследуемого объекта. К основным признакам различия бедного и небедного слоев населения относятся следующие: материально-имущественные (экономические), профессиональные, демографические, эмоционально-психологические, самоидентификационные.

Материально-имущественный признак. Отдельные исследователи относят к категории «работающих бедных» свыше 50 % населения (на 2011 г.) [33]. Однако следует признать, что специальный учет этой социально-демографической группы не ведется, инструменты для этого не выработаны и, возможно, не вырабатываются, поэтому их точное количество неизвестно. Косвенно возможно судить по психологическому и самоидентификационному признакам, однако это тоже весьма условно, поскольку далеко не каждый согласен отнести себя открыто к бедному слою населения, работая на полную занятость. Кроме того, имеет значение привычка считать: сколько зарабатываю – столько есть, надо лишь научиться разумно тратить, укладываться в наличествующую сумму. Наш народ привык так мыслить. Допускаем, что бедность можно оценивать по таким компонентам качества жизни населения, как образование, здоровье, условия жизни, а также по депривациям (лишениям), испытываемым семьями или отдельным индивидом.

Профессиональный признак обнаруживается в следующих чертах – нестабильность занимаемых должностей, отсутствие возможностей будущего карьерного роста и, как ни странно, отсутствие специалистов необходимого уровня на вакантные должности. Несмотря на то что есть работа, молодые специалисты не задерживаются на ней подолгу, возможно, в силу неприученности систематически работать или в надежде на большую зар-

⁸ Голодец О. Ю. В РФ есть уникальное явление – работающие бедные [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4093093> (дата обращения: 11.01.2023).

плату⁹. Заменить их оказывается некем, на их место или никто не приходит, или в малом количестве заявляются претенденты с недостаточным уровнем социализации и специализации [34; 35]. Это откровенно проговоренный запрос руководителей производств среднего объема (масштаба). Но одновременно такая ситуация ставит вопрос об уровне образования, долгие годы дистанцированного от практической деятельности. В настоящее время этот разрыв сокращается с введением в учебные планы вузов производственных практик. Предполагается, что это приведет к конструктивным результатам.

Весьма традиционно и одновременно весьма по-новому проявляет себя *демографический признак*. С одной стороны, в категорию работающих бедных устойчиво попадают семьи (домохозяйства) с высокой иждивенческой нагрузкой, имеющие детей или ухаживающие за престарелыми родственниками, инвалидами. С другой стороны, в последние 2–3 года наметилась тенденция к изменению сегментации на вторичном рынке труда. Работодатели с меньшей охотой принимают мигрантов (устоявшаяся группа работников, например, в строительной отрасли), иногда отказываются от их услуг вовсе, отдавая предпочтение российским гражданам. Одна причина такой перемены – в изоляционных условиях пандемии последних лет, другая – в уровне заработной платы: тем, на что не соглашались мигранты (вынужденные на эту сумму жить сами и большую часть отправлять на содержание своим семьям), довольствуются россияне. Следует признать, что и вторичный рынок труда претерпевает изменения: не все его ведущие признаки остаются выдержанными. Из сохранившихся назовем трудоемкость и простоту производственных технологий, отсутствие кадровой восходящей мобильности, невысокий уровень заработной платы. Подверглись корректировке признаки, касающиеся текучести кадров (она стала на порядок ниже, люди держатся за рабочие места) и нестабильной занятости (и работа в строительной сфере, и вахтовые формы работы предусматривают рабочий процесс в летний и зимний периоды, эти сферы нуждаются в трудовой силе постоянно). Появились отдельные виды профессиональной занятости: курьеры, разносчики, доставщики, востребованные 24 часа в сутки, семь дней в неделю и круглый год. Они вполне довольны своими доходами, уверены в своей востребованности даже после снятия ковидных ограничений (в силу выработавшейся у населения привычки переложить эти заботы на чужие плечи), что вполне допустимо.

Важный показатель демографического признака – место проживания индивида и его семьи. Небольшие провинциальные города при отсутствии в них производства (градообразующего промышленного пред-

⁹ Яковлева И. В., Косенко Т. С. Феномен потребительства в обществе и образовании: учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. 206 с.

приятя) оказываются в тяжелом положении. Их жителям доступны лишь места в сфере обслуживания, изначально не предполагающие высоких и даже средних заработков. В еще более удрученном состоянии находятся жители маленьких населенных пунктов: поселков, сел, деревень. Из-за исчезновения совхозов и колхозов, повлекшего полное отсутствие рабочих мест, они годами не имеют постоянной (часто никакой) работы, выживая лишь за счет ведения домашнего хозяйства. Наиболее обеспеченные из них – пенсионеры: они получают минимальную пенсию, но регулярно и деньгами. Люди трудоспособного возраста вынуждены в большинстве случаев ехать в города «на заработки». Лишь в немногих местах находятся организаторы предприятий малого бизнеса, социального предпринимательства, дающих рабочие места и возможность заработка сельским жителям. Причем о больших суммах речь не идет. Возможность получения платы за свой труд, а в еще большей степени востребованность и занятость в коллективном деле дает стимул позитивному эмоционально-психологическому состоянию жителей, приводит к «возрождению» маленьких населенных пунктов российской глубинки. В целом можно сделать вывод, что, несмотря на позитивные и негативные тенденции современного развития, «работающие бедные» (квалифицированные/неквалифицированные) не имеют удовлетворительного достатка для своего жизнеобеспечения.

Социокультурный признак раскрывается в индивидуалистических чертах: социальной и экономической зависимости, отсутствии или низком уровне политической активности, отстраненности от общественно-политических процессов, происходящих в государстве, недоступности досуга, а также пассивной стратегии выживания. Вступает в силу гомеостаз как привычка, притяжение среды, в которой человек находился долгие годы. Он уже адаптировался в этом социокультурном пространстве, в психологически удобной нише и выходить из нее не хочет. Для это следует прикладывать усилия, вживаться в «новое» состояние, что не прибавляет комфорта и вынуждает человека оставить все как есть, он опасается, как бы не стало хуже. В отдельных случаях этот признак обусловлен персональными особенностями: нездоровьем, хроническими заболеваниями, инвалидностью, физическими недостатками.

Эмоционально-психологический признак носит субъективный характер и проявляется в ленивом поведении, слабости характера, девиантных отклонениях носителя. Он находится в прямой зависимости от низкой оценки собственного социально неустойчивого положения, приводящей к хронической тревожности, пессимизму или резко агрессивному негативизму. Однако вполне допустима и распространена пассивная стратегия выживания (привычка): все и так вполне нормально, жилье есть, работа и зарплата тоже есть, чего еще желать? Надо просто научиться жить по средствам, на ту сумму, которая имеется. Только люди, реализующие такую поведенческую

стратегию, забывают, что «нормально» не есть «хорошо и счастливо». Их ценностные ориентиры смещаются на младшее поколение, на детей, их образование, они порой даже забывают, что родители тоже люди. Дети включаются в режим постоянной жесткой экономии, в котором живет семья, и принимают его на себя и свое будущее. Они бессознательно включают себя в страту с низким уровнем дохода, обживаясь в ней, привыкая ею довольствоваться, осваивая ее социокультурные паттерны.

Фатальные обстоятельства – признак, относящийся к людям, оказавшимся в состоянии бедности по независящим от них причинам: из-за тяжелого заболевания, трагических жизненных обстоятельств, катастрофы, как следствие – потери индивидом возможности обеспечить свои жизненно необходимые потребности. Этот признак не имеет непосредственного отношения к исследуемому объекту «работающие бедные».

Заключение. Ретроспективный анализ явления бедности позволил констатировать факт, что работающие бедные на российском пространстве существовали во все времена. В советский период они составляли основную массу населения. Лексически это явление никак не обозначалось, использовалась его мягкая завуалированная форма «малообеспеченность». Российский феномен в рамках традиции сегодня лишь по-новому включен в реалии современной жизни.

Социально-экономические перемены в Российской Федерации свидетельствуют об экономическом росте и эффективном развитии в государстве в 2010-е гг. Но также они подтверждают радикальные трансформации, произошедшие в жизни социума. Экономические процессы не существуют изолированно, влекут за собой динамичные изменения в социальной системе, ее структуре, лишь на первый взгляд акцентируя внимание на имущественном расслоении общества, полярной дифференциации доходов. Как показал осуществленный анализ, круг следствий этого процесса гораздо более широк.

Реорганизация экономики, обостренная пандемической ситуацией в мире, и инфляционные процессы привели к оголению в обществе особой (условной, но наличествующей) страты *«работающих бедных»*. *Проведенное исследование позволило эксплицировать понятие «работающие бедные» как часть социума, представленную образованными, квалифицированными трудоустроенными людьми, которые в силу ухудшения экономической ситуации в государстве оказались на границе бедности, их доходов недостаточно для удовлетворяющей жизнедеятельности.* Репрезентанты этого понятия обладают специфическими характеристиками: экономическими, профессиональными, демографическими, социокультурными, эмоционально-психологическими. На российском пространстве это явление латентное, способное проявить себя (видимо) в сложные для государства периоды.

Ответственность за ситуацию с работающими бедными пока на себя не взял никто: ни сами индивиды, ни государство. Представители слоя работающих бедных не до конца осознают, что оказались в этой категории граждан, а начиная понимать, приходят в состояние аффекта, с которым быстро не могут справиться. Государство ситуацию подводит под черту эпидемиологического пандемийного состояния в стране, что объективно лишь отчасти. Работающим бедным поневоле приходится прилагать все усилия, чтобы справиться с критическим периодом в жизни и удержаться от самоотнесения к низшей группе по причине материального недостатка. Механизмы удержания мышления на позиции «удовлетворенности недостатком» при деструктивных экономических показателях еще не разработаны.

События последнего года, проведение специальной военной операции по законам логики должны ухудшить ситуацию с материальной обеспеченностью представителей всех социально-демографических групп. Однако прямой динамики не наблюдается. Ситуация складывается иначе: появляются хорошо оплачиваемые рабочие места в открываемых (востребованных из-за военных действий) экономических нишах, где люди находят возможность проявить себя: это химическая, нефтегазоперерабатывающая, судостроительная, военная промышленность, служба в военных силах Российской Федерации. Очевидно, что последняя слишком рискованна. В настоящий момент нет возможности проведения анализа достаточности/недостаточности уровня материального обеспечения специалистов этих областей. Остается надеяться, что их заработные платы не дадут повода соотнести их со стратой «работающих бедных».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Кузнецов Д. Н.** Социологические концепции положения бедного населения в социальной структуре общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14, № 2. С. 14–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38206411>
2. **Малева Т. М., Гришина Е. Е., Бурдяк А. Я.** Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 24–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44408414>
3. **Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 432 с.
4. **Townsend P.** Poverty in United Kingdom. Berkley; Los Angeles: Univ. of California, 1979. 1216 p.
5. **Рябушкин Н. Н., Капелюк С. Д.** Работающие бедные в России: оценка масштабов проблемы // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 6. С. 489–498. DOI: 10.18334/et.7.6.110529
6. **Заславская Т. И.** Социальная структура современного российского общества // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 5–22.
7. **Заславская Т. И.** Структура современного российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1995. № 6. С. 7–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9235820>

8. **Бондаренко Н. В.** Моделирование уровня бедности: динамический и структурный аспекты // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1997. № 1 (27). С. 14–23.
9. **Иноземцев В. Л.** Классовый аспект бедности в постиндустриальных обществах // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 18–27.
10. **Бабаян И., Божок Н., Зайцев Д., Ловцова Н., Любимова А., Пашинина Е., Печенкин В., Суркова И., Ярская В., Ярская-Смирнова Е.** Социальное время как организатор сплоченности в контексте инклюзивной культуры: состояние, измерение, модель: коллективная монография. Саратов: Саратовский гос. техн. ун-т им. Ю. А. Гагарина, 2017. 316 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29421368>
11. **Гордон Л. А.** Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 18–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23733831>
12. **Хахулина Л. А.** Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, ценностные ориентации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 4 (42). С. 27–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9205950>
13. **Зубченко Л. А.** О показателях бедности // Вопросы статистики. 2000. № 3. С. 24–25.
14. **Lewis O.** Culture of Poverty // Moynihan Ed. D. P. On understanding Poverty: Perspectives from the Social Sciences. N.-Y.: Basic Books, 1968. 425 p.
15. **Wilson W.** Truly Disadvantaged: The Inner City, The Underclass, and Public Policy. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 163 p.
16. **Карадже Т. В.** Формирование субкультуры бедности в России: миф или реальность // Вестник Российского университета Дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20, № 1. С. 89–95. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32658448>
17. **Оссовская М.** Рыцарь и буржуа: исследования по истории морали / пер. с польск. М.: Прогресс, 1987. 258 с.
18. **Лежнина Ю. П.** Семейно-демографическое поведение бедных и предпосылки воспроизводства бедности // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 4 (04). С. 72–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21376643>
19. **Радаев В. В.** Работающие бедные: велик ли запас прочности // Экономическая социология. 2000. Т. 1, № 1. С. 25–36. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17766487>
20. **Бердяев Н. А.** Русская идея. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 1999. 397 с.
21. **Земсков В. Н.** О масштабах политических репрессий в СССР // Мир и политика. 2009. № 6 (33). С. 89–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12964625>
22. **Земсков В. Н.** Масштаб политических репрессий в СССР (правда и домыслы) // Труды Института российской истории РАН. 2012. № 10. С. 303–318. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21113294>
23. **Баева Е. С.** «Новые лица» бедности: методологические аспекты ее изучения // Сборник научных трудов ученых и аспирантов социологического факультета. Самара: Самарский гос. ун-т, 2001. С. 106–114. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45657787>
24. **Балабанова Е. С.** Андекласс: Понятие и место в обществе // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 65–70.
25. **Ярошенко С. С.** «Новая» бедность в России после социализма // Laboratorium. 2010. № 2. С. 221–251.
26. **Вавилина Н. Д., Котов Д. А.** Региональные особенности протестного потенциала в условиях социальной напряженности // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2, № 1 (35). С. 176–189. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32836522>
27. **Гришина Е. Е., Логинов Д. М., Малева Т. М., Елисеева М. А.** Социально-экономическое положение населения накануне эпидемиологического кризиса (по результатам регулярного мониторинга ИНСАП РАНХИГС) // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27, № 4. С. 56–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42758358>

28. **Малева Т. М., Гришина Е. Е., Карцева М. А., Кузнецова П. О.** Бедность в детстве и в старости: монография. М.: Дело, 2019. 134 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41333929>
29. **Овчарова Л., Пишняк А., Попова Д., Шепелева Е.** От стандарта выживания к ответственному выбору // ProetContra. 2013. Т. 17, № 6. С. 6–34.
30. **Локозов В. В.** Богатая Россия и бедное население: причины парадокса // Народонаселение. 2015. № 4 (70). С. 6–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25437276>
31. **Радаев В. В.** Забытые властью: портрет новых бедных // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под ред. Т. И. Заславской. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2000. С. 328–341. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25756794>
32. **Зубаревич Н.** Неравенство доходов населения: пространственная проекция // ProetContra. 2013. Т. 17, № 6. С. 48–60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28175698>
33. **Марик И. В.** Социальный пакет как способ реализации социальной ответственности предприятия: автореф. ... канд. социол. наук. М., 2011. 20 с.
34. **Яковлева И. В.** Социальная поддержка семей безработных граждан // Актуальные проблемы рациональной занятости населения северных территорий северных территорий: сборник тезисов и докладов. Красноярск: Гос. служба занятости, 1998. С. 92–93. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25272853>
35. **Mineev V. V., Viktoruk E. N., Shtumpf S. P., Rakhinsky D. V., Chernyaeva A. S.** Pharmaceutical ethics in the Frame of bioethical knowledge: Challenges for Development and the Potential of Foucaults key Ideals // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. 2018. Vol. 10, № 11. С. 2948–2951. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36453528>

REFERENCES

1. Kuznetsov D. N. Sociological concepts of the situation of the poor population in the social structure of society. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 2019, vol. 14, no. 2, pp. 14–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38206411> (In Russian)
2. Maleva T. M., Grishina E. E., Burdyak A. Ya. Chronic poverty: what influences its scale and severity? *Economic Issues*, 2020, no. 12, pp. 24–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44408414> (In Russian)
3. Durkheim E. *On the division of social labor*. Transl. from the French by A. B. Hoffman. Moscow: Canon Publ., 1996, 432 p. (In Russian)
4. Townsend P. *Poverty in the United Kingdom*. Berkley; Los Angeles: University of California, 1979, 1216 p.
5. Ryabushkin N. N., Kapelyuk S. D. Working poor in Russia: assessment of the scale of the problem. *Labor Economics*, 2020, vol. 7, no. 6, pp. 489–498. DOI: 10.18334/et.7.6.110529 (In Russian)
6. Zaslavskaya T. I. The social structure of modern Russian society. *Social Sciences and Modernity*, 1997, no. 2, pp. 5–22. (In Russian)
7. Zaslavskaya T. I. The structure of modern Russian society. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1995, no. 6, pp. 7–13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9235820> (In Russian)
8. Bondarenko N. V. Modeling of the poverty level: dynamic and structural aspects. *Economic and Social Changes: Monitoring Public Opinion*, 1997, no. 1 (27), pp. 14–23. (In Russian)
9. Inozemtsev V. L. Class aspect of poverty in post-industrial societies. *Sociological Research*, 2000, no. 8, pp. 18–27. (In Russian)
10. Babayan I., Bozhok N., Zaitsev D., Lovtsova N., Lyubimova A., Pashinina E., Pechenkin V., Surkova I., Yarskaya V., Yarskaya-Smirnova E. *Social time as an organizer of cohesion in the context of inclusive culture: state, dimension, model: a collective monograph*. Saratov: Yu. A. Gagarin Saratov State Technical University, 2017, 316 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29421368> (In Russian)

11. Gordon L. A. Four years of poverty in modern Russia. *Sociological Journal*, 1994, no. 4, pp. 18–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23733831> (In Russian)
12. Khakhulina L. A. Subjective middle class: income, financial situation, value orientations. *Economic and Social Changes: Monitoring Public Opinion*, 1999, no. 4 (42), pp. 27–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9205950> (In Russian)
13. Zubchenko L. A. On indicators of poverty. *Questions of Statistics*, 2000, no. 3, pp. 24–25. (In Russian)
14. Lewis O. Culture of Poverty. Moynihan Ed. D. P. *On understanding Poverty: Perspectives from the Social Sciences*. New York: Basic Books Publ., 1968, 425 p.
15. Wilson W. *Truly Disadvantaged: The Inner City, The Underclass, and Public Policy*. Chicago: University of Chicago Press, 1987, 163 p.
16. Karaje T. V. The formation of a subculture of poverty in Russia: myth or reality. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser.: Political Science*, 2018, vol. 20, no. 1, pp. 89–95. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32658448> (In Russian)
17. Ossovskaya M. *Knight and bourgeois: studies on the history of morality*. Transl. from Polish. Moscow: Progress Publ., 1987, 258 p. (In Russian)
18. Lezhnina Yu. P. Family demographic behavior of the poor and prerequisites for poverty reproduction. *Sociological Science and Social Practice*, 2013, no. 4 (04), pp. 72–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21376643> (In Russian)
19. Radaev V. V. Working poor: is the margin of safety great. *Sociological Research*, 2000, vol. 1, no. 8, pp. 25–36. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17766487> (In Russian)
20. Berdyayev N. A. *Russian idea*. Kharkov: Folio; Moscow: AST, 1999, 400 p. (In Russian)
21. Zemskov V. N. On the scale of political repression in the USSR. *World and Politics*, 2009, no. 6 (33), pp. 89–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12964625> (In Russian)
22. Zemskov V. N. The scale of political repression in the USSR (truth and speculation). *Proceedings of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences*, 2012, no. 10, pp. 303–318. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21113294> (In Russian)
23. Baeva E. S. “New” faces of poverty: methodological aspects of study. *Collection of scientific papers of scientists and postgraduates of the Faculty of Sociology*. Samara: Samara State University, 2001, pp. 106–114. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45657787> (In Russian)
24. Balabanova E. S. Andeklass: Concept and place in society. *Sociological Research*, 1999, no. 12, pp. 65–70. (In Russian)
25. Yaroshenko S. S. “New” poverty in Russia after socialism. *Laboratory*, 2010, no. 2, pp. 221–251. (In Russian)
26. Vavilina N. D., Kotov D. A. Regional features of protest potential in conditions of social tension. *Ideas and Ideals*, 2018, no. 1 (35), pp. 176–189. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32836522> (In Russian)
27. Grishina E. E., Loginov D. M., Maleva T. M., Eliseeva M. A. The socio-economic situation of the population on the eve of the epidemiological crisis (based on the results of regular monitoring by INSAP RANEPa). *Economic Development of Russia*, 2020, vol. 27, no. 4, pp. 56–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42758358> (In Russian)
28. Maleva T. M., Grishina E. E., Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. *Poverty in childhood and old age: a monograph*. Moscow: Delo Publ., 2019, 134 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41333929> (In Russian)
29. Ovcharova L., Pishnyak A., Popova D., Shepeleva E. From the standard of survival to responsible choice. *Proet Contra*, 2013, no. 6, pp. 6–34. (In Russian)
30. Lokosov V. V. Rich Russia and the poor population: the causes of the paradox. *Population*, 2015, no. 4 (70), pp. 6–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25437276> (In Russian)
31. Radaev V. V. Forgotten by the authorities: portrait of the new poor. *Where is Russia going? Power. Society. Personality*. Ed. by T. I. Zaslavskaya. Moscow: Moscow Higher School of Social

- and Economic Sciences, 2000, pp. 328–341. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25756794> (In Russian)
32. Zubarevich N. Income inequality of the population: spatial projection. *Pro et Contra*, 2013, vol. 17, no. 6, pp. 48–60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28175698> (In Russian)
33. Marik I. V. *Social package as a way to implement the social responsibility of the enterprise*: author's abstract of diss. ... Candidate of Sociological Sciences. Moscow, 2011, 20 p. (In Russian)
34. Yakovleva I. V. *Social support for families of unemployed citizens. Actual problems of rational employment of the population of the northern territories of the northern territories*: Collection of theses and reports. Krasnoyarsk: State employment service, 1998, pp. 92–93. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25272853> (In Russian)
35. Mineev V. V., Viktoruk E. N., Shtumpf S. P., Rakhinsky D. V., Chernyaeva A. S. Pharmaceutical ethics in the Frame of bioethical knowledge: Challenges for Development and the Potential of Foucaults key Ideals. *Journal of Pharmaceutical Sciences and Research*, 2018, vol. 10, no. 11, pp. 2948–2951. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36453528> (In Russian)

Информация об авторе

С. П. Штумпф, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, экономики и права, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева (660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89).

Information about the author

Svetlana P. Shtumpf, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of Philosophy, Economics and Law, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (89, Ada Lebedeva str., Krasnoyarsk, 660049).

Поступила: 17.02.2023

Received: February 17, 2023

Одобрена после рецензирования: 24.03.2023

Approved after review: March 24, 2023

Принята к публикации: 17.04.2023

Accepted for publication: April 17, 2023